

Сергей ЗАХАРОВ

пригород

СТИХИ

Санкт-Петербург
2008

Художник Наталья Ильченко

I

Подписано в печать 7 апреля 2008 г.
Заказ 1248
Тираж 200 экз.
Формат А6. Гарнитура AvantGardeC

ISBN 5-94261-011-8

©Издательство Файндер®
Лиц. ИД № 02516 от 03 августа 2000 г.
Тел.: (812) 712-4276, 713-30-94
E-mail: finder.spb@mail.ru, www.finder.spb.ru
Санкт-Петербург, Поварской пер., 6

От дачных радостей, чаев,
ночных бесед неторопливых,
под приготовленный улов,
под птичек томных переливы
пою и я, как птица Дрон,
на алый сев рододендрон.

Повернись скорей, планета,
чтоб у нас настало лето.
Солнцу бок подставь, Земля,
тот, где мерзну нынче я.

Соловьи запели в мае
(после свадеб - затихая)...

Отремели июльские грозы,
журавли собираются в клин,
снова желтые пряди березы
да багровые язвы рябин.
Ближний пригород - та же деревня:
станционный знакомый пейзаж,
магазин ископаемо древний
и туземцев запойный кураж.
Та же всё нищета и неволя
под плитою свинцовой небес.
Но за дальнею улицей - поле,
а за полем - нетронутый лес,
где народец лесной веселится
и, конечно, навалом грибов,
а на озере плещет плотвица,
удирая от щучьих зубов.
Вот мой дом - на краю Ойкумены,
слева - воля, направо - сосед,
деревянные чистые стены
и торшера негаснущий свет.
Деревенская, липкая скука,
палисадов кривые столбы...
Одиночество - сладкая мука
для привыкшего к шуму толпы.

...Утром встану, как водится, в восемь,
как забрезжит. По тропочки шву
через поле рвану я
и в осень
окунусь - и опять оживу.

Лекарствами депрессию не лечат.
Помочь не могут водка и друзья...
Дом у дороги. Теплый летний вечер,
визг тормозов и пенье соловья.
Поток машин, стремящихся куда-то,
где каждой твари дано по судьбе.
Деревьев кроны в золоте заката
и флюгер-кот, застывший на трубе.
В кустах свистит, щебечет и кукует.
Курлыкает пернатый сукин сын
о том же всё - что он один тоскует,
чирикает - что глохнет шум машин.
Смеркается. В листве забарабанит
хохлатый дятел. Стихнет все - и вдруг
луны медальный диск взойдет над баней,
русалка влезет, матерясь, на сук.
Такого не увидишь в Интернете...
В поленьях пляшет желтый огонек.
К костру из перелеска выйдет йети
и молча сядет рядом на пенек.

...Бессмысленны проекты и итоги.
Земля проста, прекрасна и пуста.
Все лечат время, домик у дороги
и птичье пенье ночью у костра.

Солнце село за сараем,
вечер принял вахту дня,
тучка, мимо проплывая,
помочилась на меня.
Где же ты, моя подружка?
А была бы рядом ты,
я б чесал тебе за ушком
и лобзал твои персты.
Ты обычных сотни стоишь,
я признаюсь не шутя,
в час любви, когда то воешь,
то рыдаешь как дитя.
Нет тебя со мною рядом.
Я сегодня одиноک.
Одари хотя бы взглядом -
загляни на огонек.

Солнце да ели. Дымок из трубы.
Съели клубнику, но скоро грибы.
Лета макушка, на спад поворот.
Осень наступит, потом Новый год.
Снеги растают, полезет трава.
Вот ведь на свете какая муря.

Вечер в одиночестве прекрасен.
Дома нет ребенка и жены.
Даже если на дворе ненастье,
снятся только розовые сны,
что-то очень теплое, из детства,
без законов взрослых и забав,
оттого-то так легко согреться,
на тахте уютной задремав.
Выключен постылый телевизор,
он теперь не потревожит сон,
Ну а чтобы исключить сюрпризы,
обесточен также телефон.
Книжка под подушкой отдыхает,
за окошком шорохи весны,
и ничто теперь не помешает
видеть только розовые сны.

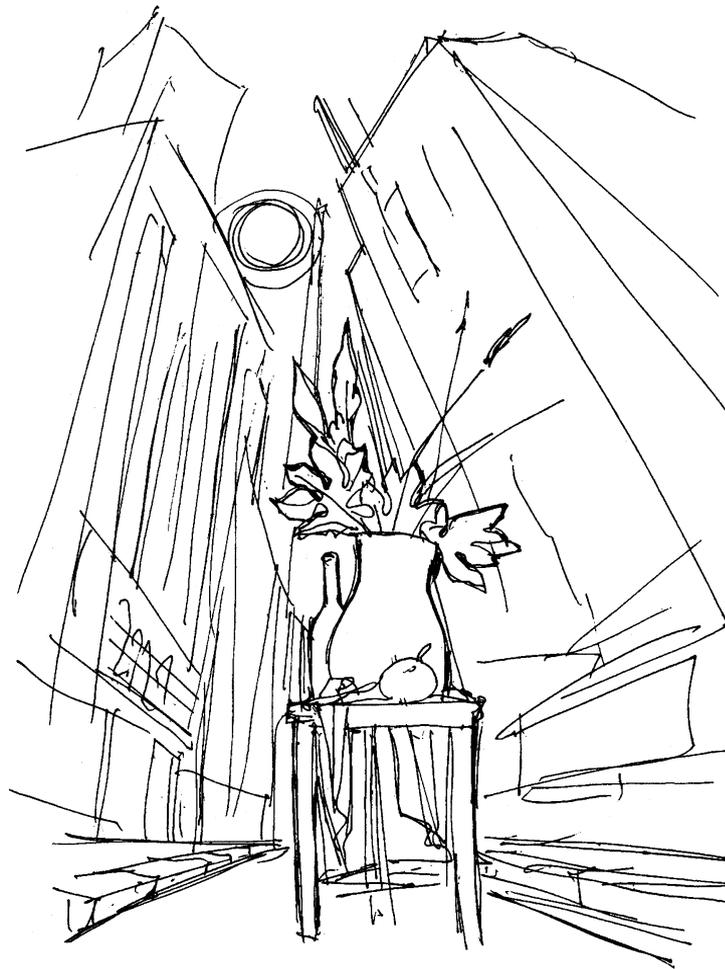
Садоводство - это не Анталя,
А Ленобласть все ж - не Тенериф,
Но скажу смущенно вам:
- Наталья,
дайте слово молвить мне,
на талию
вам свою ладошку положив.
Вечер темный, звезды в небе ясные.
В тропиках все ярче и теплей,
но и здесь, смотри, - планета красная -
Марс, Денеб - звезда бесстрастная.
А еще есть Рак и Водолей.
Средь березок белых мы не парии.
Погляди на бездну, не робей.
В северном прохладном полушарии
мы с тобой - потомки древних ариев,
нам звезда Полярная родней.
На Багамах жарко, влажно, муторно.
Лучше уж на льдине одному
иль, прижавшись на тахте полуторной,
согревать друг дружку в дрожи утренней...
Дай тебя покрепче обниму.

Средь шестисоточных земель
воткнул я голубую ель.
Восторгом грудь моя полна:
пусть голубая, но - ОНА.

Елки да березы,
над трубой дымок,
комары стрекозы,
в гриле огонек.
Сколько хочешь чуши
в болтовне - изволь:
как цветет чубушник,
йошта, каприфоль,
как компостить почву
и в какой момент,
кто приедет в гости
в этот уикенд,
как сварить крапиву,
где почище пляж,
чем их сорт красивей,
чем надежней наш,
как рецепт соседа
претворить в отвар...
Дачные беседы,
медный самовар.
.. Душит галстук ворот,
тачка у ворот,
час езды - и Город.
Притаился. Ждет.

Поздний вечер. Попрятались птицы.
Над поселком стемнело всерьез.
Ветер стих. Теплый воздух струится,
как коктейль из жасмина и роз.
Этот вечер, покой он мне даст ли
или снова пойдёт дребедень?
Выбор сделан, сомненья погасли,
будто летний затянутый день.
Тают серый туман безнадёги,
мельтешенье людей и машин.
Никого на пустынной дороге.
- Слава Богу, я снова один.

Черная клякса пруда под луной.
Ночь наступила - пора на покой.
Ночь. Одиночество. Мрак. Пустота.
Маска страдания под маской шута.
Рядом уютный приветливый дом.
Слезы в глазах, спазм в груди, в горле ком,
В черной воде лунный профиль дрожит,
Рядом колпак с бубенцами лежит.

Солнце жарит. Домик наш прогрелся.
В огороде жизнь бурлит ключом.
Я с утра до шортиков разделся -
и на грядки, к черту душный дом.
Агроном, прораб, мелиоратор
я сегодня как бы невзначай.
Нож, лопата, лейка и секатор,
тара под поспевший урожай.
Первую картошку, будто Трою,
я отрою, сжав ботвы концы.
Парники заветные открою -
получайте солнце, огурцы.
Рыбки в бочке всплыли на поверхность,
им еще играется пока.
Отыщу и кину в воду сверху
глупого большого червяка.
Листья у кустов немного сдвину,
горсть сниму и (миска подождет)
тающей малиновой малины
радостно урча отправлю в рот.
Раздались бока стручков гороха -
будет повод посетить М-Жо.
Лето продолжается. Неплохо.
Или даже - очень хорошо!

Вот и все. Закончен «Вертер»,
«Дон Гуан» затерт до дыр.
Можно почитать о смерти,
можно сыну «Мойдодыр».
Отдыхай, пылай возмездьем,
что еще там для души?
Хошь ходи, хошь стой, хошь езди,
хочешь - «Реквием» пиши.
Может вспомнят.
Иль забудут.
Даже если вкусный суп,
все равно любви не будет,
а без этого - ты труп.

У дверей ботинки,
жаба на тропинке,
фонари как плошки,
цветик на окошке,
огонек в печурке,
в баночке окурки,
свет небесный тает.
Дача засыпает.

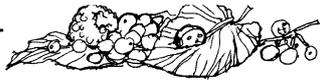

Пожелтел обобранный крыжовник,
облетели листья с тополей.
С дачи возвратившийся художник
окунулся в облако людей,
где сам воздух гнилостен и потен,
где царит урбанодискомфорт,
где размах эпических полотен
забывает скромный натюрморт.

Осень, заколоченные дачи,
дальше - снег, бессмысленные сны.
А потом весна? - Да чушь собачья!
Да не будет никакой весны.

Из ракушки смешные рожки
торчат немножко набекрень -
ползет улитка по дорожке.
Сегодня самый длинный день.
Хоть не спеша, а чешет мимо.
Так лето, одолевши взлет,
ползком, но все ж неотвратимо,
едва начавшись, уползет.
Июнь добавки не попросит,
от полдня бонуса не жди -
все отцветет, отплодоносит,
зарядят серые дожди,
листва падет, похолодает,
ничем не сможешь ты помочь -
снежинки в небе залетают
и станет самой длинной - ночь.
Тягучи дни, но время прытко,
темнеет незаметно высь.
Ползи помедленней улитка,
не торопись, не торопись...

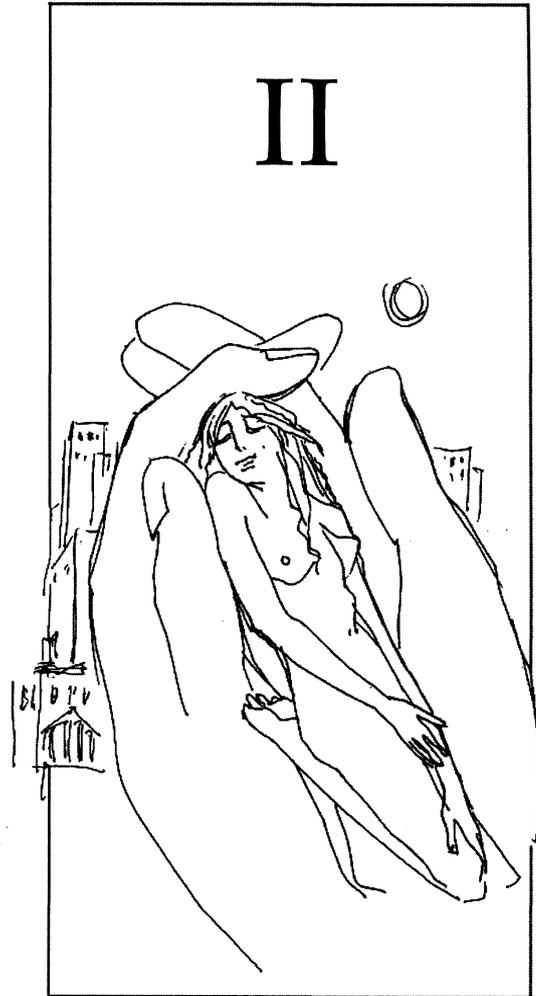

Дождик, золото, багрец -
лету красному трендец.

Дровишки превратятся в пепел,
костер печально догорит,
и тонкой стружкой,
чист и светел,
янтарный уголёк залит.

Да, конечно же, плохо,
неприкаянно, скверно...
Май, когда за окошком
зарядил снегопад,
вспоминать бесполезно.
Ты признайся со вздохом -
к той, единственной в мире,
нет дороги назад.

В архиве памяти как папку
с названием «Первая любовь»
все дальше движет по порядку
идущая из завтра новь.
За грудой новых впечатлений
ее едва ли ты найдешь.
А и найдешь, так, без сомнений,
уж вряд ли что-нибудь поймешь.
Как осыпается рябина,
редеют дни, черты лица,
пока последние картины
не изотрутся до конца.

Белой ночью злые дали
в Петербурге спать не дали.
Свет сквозь шторы,
мутный свет
на глазах -
нет сна, привет.
Как же с ночью быть бессонной?
Позвонить по телефону.
Все равно, где зазвонит -
кто же ночью белой спит?

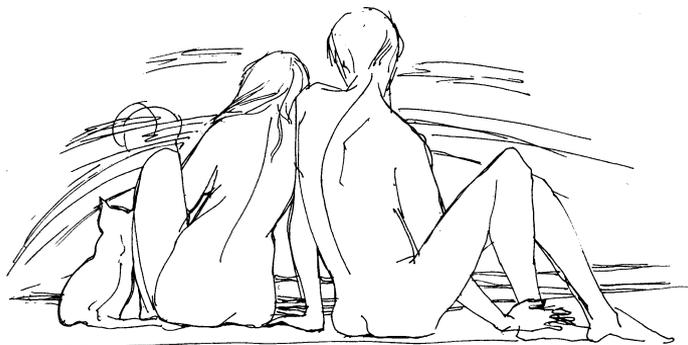
Цвела за городом сирень,
и луг пестрел цветами...

Вошла. Сказала: «Добрый день».
Ошпарила глазами.
Смеялась, с кем-то говоря.
Играл луч на колечке...

Держал я за руку тебя.
Мы шли тропинкой к речке.

Придет к нам апрель, дорогая,
полезет из почек листва,
и ласточки к крыше сарая
прилепят основу гнезда.
А мы, утомившись за зиму
в объятьях друг друга лежать,
укусим друг друга за спины
и все же покинем кровать.
Нагая моя Мона Лиза,
пошире окно раствори -
мы будем с тобой на карнизе
встречать наступленье зари.
Дай мне поцелуй по ленд-лизу.
О, Солнце! Етит твою мать!
Пусть нами любятя снизу -
мы будем с тобой ворковать.

Красный мячик холодного солнца
бултыхнулся в озерную гладь.
Полыхнула закатная бронза
и погасла - другим полыхать.
Перед лесом, что улице дачной
преграждает пока еще путь,
я стою и красавице мрачной
убедительно внемлю.
- Забудь, -
я вещаю, - что было - вернется,
про раздоры зачем вспоминать?
Что потеряно, верь мне, найдется,
лишь три слова друг другу сказать...

Речь окончил. Но слов не дождался,
Отзвук их не коснулся небес.
Только смех чей-то звонкий раздался
там, где солнечный мячик исчез.

Посмотри в открытое окошко
майской ночью.
Радостная тишь.
Солнце, мягко двигаясь, как кошка,
закатилось.
Что же ты молчишь?

Час без солнца.
Сумерки белесы.
К нам в окно, как белая метель,
льется свет, сменяя занавесу,
освещая светлую постель.
Свежий воздух, пахнувший сиренью,
майский шелест радостных берез.
Старый дом.
Его предназначенье -
храм любви, безумия и грез.

Два часа - и Токсово проснется.
Ночь пройдет, ее не возвратишь.
Солнца луч волос твоих коснется.
Будет утро.
Что же ты молчишь?

Природа придумала мудро,
что после заката - рассвет,
что ночь завершается утром,
что солнце дарует нам свет,
а после весны будет лето.
Его провожать нелегко,
но все же люблю я при этом
момент завершения его.
Земля плодоносит
под осень,
когда, исчезая вдаль,
безоблачность лета уносят,
тоскливо крича,
журавли.

ОТЧАЯНЬЕ

Не беги.
Не звони.
Не пиши.
Не ищи.
Не люби.
Не зови.
Ни мечты.
Ни пути.
Ни души.
Ни зари.
Ни золы.
Ни звезды.

Не спеша
меня изводит злость
и обида к пропасти толкает.
Сердце колет.
Разум пропивает
то, что сделать
раньше удалось.
Никуда я нынче не гожусь!
На краю,
над бездною шатаюсь,
я стою и, пьяно улыбаясь,
тычу пальцем в небо
и грожусь...

6 ИЮЛЯ

На большом погосте пусто.
Край земли.
Снегом тропки, словно дустом,
замели.
И в глаза снежок посыпал.
Соль-до-ре...
Камень, фото, буквы, цифры
и тире.
Положу цветок к могиле -
все дела.
Лена, Лена, ты любила,
ты была.

Под рябиновым кустом,
если все же грянет гром,
отведите мне последний
небольшой
уютный дом
на горе,
горе,
горе,
там, где в снежном январе
хорошо нестись на лыжах...
Даты две, одно тире.

III

Пройдя сквозь временное сито,
я так скажу про божий дар:
харизматичность - это битость
с умением держать удар.

«Нет имени тебе, мой дальний»
А. Блок

Я странник.
Пронзаю пространство и время,
спеша на работу, исполненный рвения.
Избранник
и черточка между двух чисел,
спортсмен,
что свое достижение превысил,
создатель,
поскольку под радостным кровом
взгляд девы зажег
ослепительным словом,
дикарь,
отыскавший костер, еще тлевший,
но угли раздуть до огня
не сумевший.
Я все и ничто.
Я правитель и данник,
поэт, и могильщик, и узник...
Я - странник.

Где-то в море ходят корабли
далеко-далёко от земли.
Помашу им с берега - пока! -
на тахте валяя дурака.
Сколько можно по морю ходить?
А когда вершить, когда любить?
И, зевая знаменем осень,
я скажу: ходите.
Без меня.

Летать и плыть,
бежать, ползти -
как тяжело в конце пути.
Осталось: шествовать, лежать,
смотреть и думать.
Тосковать.

Как хорошо, что есть враги,
и фронтом щерятся клыки.
От Мендельсона до Шопена
жизнь, как атака, влет, в штыки..

.....
Рука бойца рубить устала,
на мышцы лег излишек сала,
вдруг захотелось домой,
в деревню, в глушь...
И на покой.

Налево - Запад,
направо - Восток,
и вместе их не свести.
А посредине двуглавый орел,
как на толчке трансвестит.
Налево - Кальвин, папа и Рим,
направо - дао и дзен,
а есть еще юг,
мусульманский мальстрем,
с бескрайним множеством тем.
Налево пойдешь,
направо иль вниз -
шкуры оставишь клок...
Сиди на спице, верти головой,
как Золотой петушок.

ОПАЛЬНОМУ ОЛИГАРХУ

Он плохо вел себя.
Делился не со всеми.
Он с чукчей рожь не жал,
весною бросив семя.
Не трогали его футбольные заботы,
не строил корабли
прогулочного флота,
с женой (?!) свою (?!) спал (?!)
в своей (?!) большой постели,
он спорт не развивал ни здесь
ни в Куршевеле,
посаженный на нефть,
он не ушел в запои.
Еврей, он посягнуть решился на святое:
он власть хотел купить-продать
и Русь обрушить...
Он виноват уж тем,
что власть хотела кушать.

Второй уж век - все та ж мистерия,
Россия - Моцарт. Только жаль,
что обреченная империя
Никак не сдохнет. Не пора ль?
Свой быстрый разум мы проели.
Но может все-таки - как знать -
хотя бы собственных Сальери
российская земля рожать?

Памяти А. Гайдара

Школа. Тимуровцы. Снежные крепости.
Тайны. И книжки: читаешь - не спишь.
Это уж позже там - жизни нелепости -
Квакин, Фигура, десятник, Плохиш...
Вырос зачем?
Оставался бы мальчиком.
На хрен сдались пируэты и па?
Только назначат меня
барабанщиком,
как об колено бросает судьба.
Брось, но не жди ретирады мучительной.
Выбрал покой бы, но в памяти вдруг
встанет плюющий под ноги
презрительно
мне
перед смертью
плененный Чубук.

ЮНОЙ ПОРОСЛИ

«Невежество есть преступление»
Гаутама Будда

Где лень души - там нет раскаянья,
читать и думать - трата сил.
Косноязычьем от отчаянья
Господь ленивых наградил.
Вглядишься наверх -
там синь прозрачная
и певчих птиц лихой полет,
а здесь на дойку стадо жвачное,
мыча, с бубенчиком бредет...

Крыша да Медведицы ковш.
Днем делили с Сашею кэш.
Бизнес иль костер в ночи хошь?
Земляничку с дермецом съешь,
Черен нос, хвост бел и пушист,
Воркута иль Коктебель -
выбирай, покуда ты чист,
Грина с Достоевским коктейль.
Выбор - это выход и вход
и в ладошке потной билет.
Время безмятежно идет.
Рубль вход, а выхода нет.

«Мой из Москвы вояж...»
Поручик Ржевский, «Гусарская баллада»

На вене метка от укола,
лоб, сжатый дланью, в борозде.
Луна - таблетка валидола -
висит над поездом в хвосте.
Сто грамм, значенных на утро,
пустой бумажник, тусклый взгляд.
Смыт грим - румяна, тени, пудра
с лица уставшего. Назад -
на четвереньках, как придется, -
домой,
шипя, склоняя мать...
Так тяжело Москва дается -
забыть бы и не вспоминать.

ДАО И ДЗЭН

Триптих

15 лет в п/я -
не понял ни х..
Такой же срок, но в ЗАО -
и я постигнул дао.

Давным-давно стоял вопрос:
дурак я или же даос?
И лишь пройдя сквозь строй измен,
усвоил, что такое дзэн.

Конфуций или Лао-цзы.
Их мысли лаконично злы.
Как пазлы. Соберешь рисунок -
и что добился, недоумок?

ЕДИНЫЙ ПОТОК

Он искал - найти не смог,
где и с кем сегодня Бог.
Он искал в строках, меж строк...

Бог один и одинок.

Где сомненья - там и Бог.
Где молчанье - там и Бог.
Где есть вера - там и Бог.
Там, где сердце, - там и Бог.

Бытие наше хрупко,
путь из полымя в лед.
Утлой жизни скорлупка
вдаль по датам плывет.

В бесконечном походе,
смерть безносую зля,
миг за мигом проходит
на планете Земля.

...Шепчешь, пав на колени
и надежду тая:
- Дай еще мне мгновенье,
Боже, воля Твоя...

Эти мудрели, те - ссучились...
Но от рожденья одно
имя - Любовь Иисусович
каждому в мире дано.

Душа трудилась и трудилась...
Не зря душа моя - правша.
Об стенку билась и добилась,
что стала мускулом - душа.

Как песок истекает из рук,
время мерно уходит и - кода.
Вот опять завершается круг,
круг событий, какие-то годы.
Бюст героя в металле отлит,
миг застыл в ожиданье звоночка:
то ли новый виток предстоит,
то ли это финальная точка.
Сколько было витков - и не счесть.
Да и верить ли созданным бредням?
Каждый год укорачивал спесь,
потому что казался последним.
Но в душе беспокойно горит
уголек непотухший работы,
прошлый год отомрет, отболит -
и отпустит на новые взлеты.

В чем стимул жизни,
двигатель прогресса,
когда тебе за... (очень много) аж?
Не доллары, рубли и песо -
ехидство, любопытство
и кураж.

IV

Какая все-таки напасть -
всепоглощающая страсть.

Вокзал. Путей стальных оковы.
Тумана утреннего муть.
И электричка на Сосново -
за зиму подзабытый путь.
Платформа. Лужи на асфальте.
Парок, крутящийся у ртов.
Но воробей, адепт Вивальди,
чирикать целый день готов.
Ты вместе с ним апрель встречаешь,
и беспокоясь, дурачок,
осенним сердцем ощущаешь
весенний радостный толчок.

В окошке огонь до рассвета,
хоть темен и холоден дом.
Слежу за твоим силуэтом
и душу лечу коньяком.
Мечтаешь. Ах, девичьи думы!
Да где же он, где же герой,
красивый, богатый и умный,
при этом еще - молодой.
В окошке огонь до рассвета.
Не спишь. Я-то знаю, не спишь.
Подходит тридцатое лето
твое, бессердечная.
Ишь,
как рвенье твое терпеливо,
как вера крепка в эту ложь,
что ждешь, как Ассоль у залива,
хоть замуж совсем невтерпеж.
Я мог бы свершить, скажем, подвиг,
да только вопрос - для кого?
Ведь я для тебя - бедный Йорик,
точнее, останки его.
В окошке огонь до рассвета,
открыло свой день ЖКХ,
а ты все сидишь в Интернете
да ищешь себе жениха.

Он глядел на золото костра.
Ночь спустилась теплая и злая,
и плясала в отблесках шальная
тьень в росе намокшего куста.
Оставалось пить и горевать.
Впрочем, все нормально,
без обмана -
на груди утеса-великана
тучка не осталась ночевать.

Мы гуляли с тобой перелеском
посредине сентябрьского дня.
Почему ты кому-то в отместку
как бы вдруг полюбила меня?
Что случилось с тобой после мая -
мне задать бы вопросик простой,
но, влюбленным глазам доверяя,
любовался влюбленной тобой.
Что из этого вышло, Сережа?
То что должно и вышло, кретин.
Перелесок остался. Я тоже.
Но гуляю по тропкам один.

Я ждал на станции метро.
Плыл эскалатор, поднимая
из недр людей.
Была «Лесная»
пуста.
Один я. Не считая
двух скукой спянных ментов.
Из чуть подсвеченной дыры
лились, сливаясь, людьи лица
(как фотороботы в милиции)
народца северной столицы
милы, устали иль бодры.
Я не умею долго ждать.
Наверно, много ожиданий,
несостоявшихся свиданий,
в очередях глухих стояний
пришлось пройти и испытать.
Глаза устали.
Отведя
от лиц, всплывавших вверх из низа,
я проклял женские капризы,
и в ту ж секунду у карниза
я
наконец
нашел тебя.

Я это имя повторял,
когда мне было восемнадцать.
Седой болван, куда деваться,
ты на любовь, увы, попал.
Там кто-то сверху углядел
кусты, в которых ты скрывался,
прицелясь, громко рассмеялся
и луком тенькнул между дел.
Теперь, простреленный, тащусь
я безнадежной тропкой к раю.
И это имя повторяю
и молодеть, как Фауст, тшусь.

Была тоска и был запой,
когда мы встретились с тобой.
Была зима, январь, возможно, -
везет на встречи в январе,
Меня теплом завлечь несложно,
когда морозы на дворе.
Была зима, была метель,
любовью смятая постель,
тепло от юных поцелуев,
вино, пролитое тобой,
и мысль, метнувшаяся всуе:
покой.
Без воли, но покой.

Опавший лепесток жасмина
скользнул по женскому плечу,
и ощутил я, что лечу -
без крыльев, сопел и бензина...

Божий промысел неведом,
смутен, исповедим.
Ты пошла за мною следом,
а могла бы за другим.
Я поодаль брел, сутулый,
глядя вверх, грызя стило...
Что тебя за мной толкнуло,
поташило, повело?
Этот мир и так был светел.
В чем тогда вопрос: лавэ,
Божий промысел иль ветер
в юной глупой голове?
Впрочем, все это не ново.
Непонятки только днем.
Ночью с тайн летят покровы
и решается бином.
Пусть видок твой бесшабашен,
безмятежен - улови:
видно, все ж в дороге страшно
без мужчины, без любви.
Хоть мозги тебе не пудрю
(седину не спрячешь днем),
ночью спишь, раскинув кудри,
в грудь мне вжавшись, голышом.

МАРАЗМ

Отцветают последние розы,
седина серебрит в бороде.
Заполошно кричат паровозы -
я в вагоне приеду к тебе.
Ты навстречу мне выйдешь
вся в белом.
Проскользну сквозь порханье стрекоз
и к ногам возложу загорелым
я букет отцветающих роз.

Когда твоей юности нужен рассказ
о доблестях,
подвигах века прошедшего,
я вижу румянец и блеск твоих глаз
и что-то еще,
может быть, сумасшедшее.
Но вот иссякает источник,
и вдруг
ты в лед превращаешься...
Голосом севшим
шепчу твоё имя,
упрятав испуг,
тебя потерявший,
себя не нашедший.

Одного ль меня с ума ты сводишь
ночью жаркой или в свете дня,
в радость кобелиная грызня?
Рядом, близко-поодаль проходишь.
Ты еще пока что не уходишь,
но уже уходишь от меня.

У памяти безмерна власть -
и умирая помнить буду
и обжигающую страсть,
и в кровь искусанные губы,
пьянящий морок ночника,
безумной ночи наважденье
и - резкий холод отчужденья,
мертвящий холод ледника,
и одиночества спасенье.

Не болит и не жжёт,
не кружит, не качает,
праздник не обещает,
не манит, не зовет.
И не будет уже.
Та мелодия спета.
Позади мое лето
скрылось на вираже.

Забыто лето.
Осень стала злее.
Виски седые -
память жестких лет.
А на кудряшках девы
солнца свет...
Чем лист желтей,
тем елка зеленее.

С судьбой своею не в ладу
я песни пел тебе в саду.
Любовь прошла, увянул сад,
чему я несказанно рад.

Это отнюдь не пророчество,
осень заполнила кровь.
Третья жена - одиночество -
лучше, чем просто любовь.

Черная туча закрыла полнеба -
рухнув, исчез обжигающий зной.
Пес, продремавший с утра до обеда,
вылез из будки, тряся головой.
В кресле тенистом в саду
под жасмином
снова листаю «Потерянный рай»
и, до дождя чтоб успеть,
для камина
шаркаю зло за дровами в сарай.
Нежной рукою прикрывши окошко,
взглядом раскосым
по туче скользнув,
женщина в кухне готовит окрошку,
в квас поварешку свою окунув.

Найден ответ у последней задачи.
Вот и награда - навечно со мной
вечный ли дом иль извечная дача...
Белая мантия, красный подбой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.....	3
II.....	27
III.....	41
IV.....	61